

Глава 64. Маленький дурачок приручил деревенского задиру (03)

Се Янь опустил взгляд на стоявшего перед ним маленького дурачка. Те чайные глаза в ночи сияли необычайно ярко, словно в них были заключены осколки звезд, и они не отрываясь смотрели на него.

Что-то в его душе невольно смягчилось, и голос тоже стал тише:

— Уже так поздно, зачем ты прибежал?

Лин Янь все еще держал перед собой жареную курицу, завернутую в капустный лист, и протягивал ее с таким видом, будто преподносил драгоценный дар, улыбаясь с детской непосредственностью:

— Брат, ешь курицу.

Се Янь приподнял бровь, оглядывая курицу с румяной, блестящей от жира корочкой, затем снова посмотрел на его испачканное, но полное надежды лицо. В уголке его губ промелькнула едва заметная усмешка:

— Как, это благодарность за то, что я спас тебе жизнь днем?

Лин Янь захлопал ресницами — он явно не понял смысла слов «спас тебе жизнь», — и просто склонил голову набок, глядя на него с недоумением.

Легкий ветерок донес дразнящий аромат жареной курицы, который щекотал обоняние и пробуждал аппетит.

Се Янь внутренне усмехнулся — что это он взялся с дурачком разговаривать серьезно?

Он посторонился, освобождая проход, и в его голосе послышалась снисходительность, которую он сам не заметил:

— Ладно, хватит торчать на пороге, заходи.

Лин Янь тотчас расплылся в улыбке «хи-хи», сверкая рядом белых зубов, и шагнул вперед. Но его левая лодыжка была распухшей, поэтому он шел прихрамывая, и все его тело сильно раскачивалось при каждом шаге.

Эта неудобная походка почти сразу же привлекла внимание Се Яня.

Его взгляд упал на одежду Лин Яня, и он заметил, что тот все еще был в том самом наряде, в котором упал в реку днем.

Се Янь протянул руку и коснулся его плеча —

ткань и правда была сыроватой, совсем не высохла!

Взгляд скользнул ниже на обнаженную лодыжку Лин Яня. Припухлость была еще больше, чем в полдень, она распухла так сильно, что была хорошо видна — совершенно очевидно, что никто даже не подумал нанести на нее мазь.

Черные глаза Се Яня тут же сузились, и голос стал низким и тяжелым:

— Твоя нога... твой брат не намазал тебе мазь?

Лин Янь остановился и ошарашенно уставился на Се Яня. Его чайного цвета зрачки медленно повернулись, словно он напряженно пытался что-то вспомнить.

Несколько секунд спустя он медленно и немного обиженно проговорил:

— Брат... велел мне собрать бобы.

Собрать бобы?

В глазах Се Яня мелькнул холодный блеск.

В полдень, когда он заходил к ним во двор, там и правда были разложены для просушки соевые бобы.

Значит, когда этот дурачок вернулся домой, он не только не переоделся в сухое, но и его травмированную ногу никто не лечил, а так называемый «брат» сразу погнал его работать?

При этой мысли пальцы Се Яня побелели от напряжения, и в груди внезапно вскипела безотчетная ярость.

Он внезапно наклонился и, подхватив Лин Яня, который все еще держал курицу и выглядел совершенно растерянным, поднял его на руки.

Развернулся и пошел в дом.

Лин Янь, не ожидавший, что его так внезапно оторвут от земли, инстинктивно прижал курицу к груди и недоуменно позвал:

— Брат...?

Се Янь, не говоря ни слова, пронес его в дом и осторожно усадил на лежанку (кан, прим. пер.).

Опустив взгляд на дурачка, который все еще сидел, обнимая курицу и не понимая, что происходит, он коротко и ясно произнес:

— Снимай.

— ...

Не слишком ли быстро все идет?

Так ведь не годится, правда?

Се Янь, словно не замечая его озадаченно-нерешительного выражения лица, развернулся, подошел к шкафу и достал чистую одежду.

Когда он обернулся, маленький дурачок на лежанке все еще смотрел на него остекленевшим взглядом, прижимая курицу к груди, словно это было его единственное сокровище.

Се Янь с облегчением вздохнул, осторожно взял курицу и убрал ее в сторону, в его голосе слышалась легкая насмешка:

— Крепко держишь. Не бойся, никто не отнимет. Сначала переоденься.

Лин Янь надул губы, его глаза покраснели, и он жалобно, мягко пробормотал:

— Брат, я хочу есть.

Видя, что тот и не думает раздеваться сам, Се Янь наклонился и начал расстегивать его пуговицы, ласково отвечая:

— Хорошо. Переоденешься — и поешь.

— Шшш—

И в тот момент, когда Се Янь стягивал с него верхнюю одежду, его пальцы нечаянно задели спину. Лин Янь резко втянул воздух и весь сжался.

Се Янь тут же замер, и его голос стал мягче:

— Что? Я сделал тебе больно?

Он осторожно повернул Лин Яня и, когда его взгляд упал на бледную спину, дыхание перехватило.

Вся она — от плеч и ниже —

была покрыта сине-фиолетовыми полосами и пятнами от побоев.

Старые синяки еще не сошли, поверх них легли новые.

На фоне почти прозрачно-белой кожи это выглядело особенно ужасно.

Се Янь будто окаменел, несколько секунд не в силах вымолвить ни слова.

Наконец, он снова обрел голос, и он прозвучал низко и с трудом сдерживаемо:

— Твой брат... он тебя бил?

Лин Янь растерянно повернул голову, в его глазах закипали слезы, готовые вот-вот пролиться. Он прошептал, едва слышно:

— Я случайно... рассыпал бобы... Брат рассердился...

— ...

Кулаки Се Яня сжались так, что побелели костяшки.

Лин Цян.

Ну что ж, хорошо же ты умеешь себя вести.

Се Янь ловко и быстро снял с Лин Яня остатки одежды.

Бледное тело парня оказалось на прохладном воздухе и слегка вздрогнуло.

Се Янь отвернулся, достал из шкафа бутылек с настойкой от ушибов, налил немного на ладонь, согрел и стал осторожно втирать в сине-фиолетовые пятна на спине.

Но в тот момент, когда его ладонь коснулась кожи, он почувствовал неестественный жар.

— Не шевелись, — тихо сказал Се Янь и наклонился, прижавшись лбом ко лбу Лин Яня. Их носы почти соприкоснулись, теплое дыхание смешалось. Нахмурившись, он сказал: — У тебя жар.

— ...

Лин Янь только моргнул своими чайными глазами, длинные ресницы дрогнули.

Был ли у него жар, он не знал.

Но вот сейчас он чувствовал себя немного...

...разгоряченным. (здесь игра слов: «фашао» — жар/температура; «фасао» — сленговое выражение, означающее «быть в возбуждении», прим. пер.)

Нельзя ли сначала дать ему надеть штаны?

Се Янь искусно нанес мазь на каждый синяк: сначала на спину, затем на бока, и наконец взял в руки тонкую лодыжку и тщательно растер поврежденное место.

Завершив все, он поднял голову, и его взгляд случайно упал на *** (здесь опущено, так как это может быть прямая отсылка к физиологии, по смыслу ясно, что это интимная часть тела, прим. пер.).

Сначала Се Янь опешил, а затем на его губах заиграла насмешливая улыбка, в уголках глаз мелькнул игривый блеск:

— Вот оно что, маленький дурачок, а ты, оказывается, еще тот молодец.

Лин Янь мгновенно покраснел до корней волос, заерзал, и его голос стал еще мягче и тоскливее:

— Брат... мне нехорошо...

— Терпи, — Се Янь, не меня выражения лица, взял чистую одежду и быстро натянул ее на него. — Я схожу сварю тебе немного каши.

— Ку-у-урица... — Лин Янь с тоской уставился на курицу, лежащую в стороне.

— У тебя температура, ешь легкую пищу.

— Я хочу курицу...

Се Янь опустил взгляд на Лин Яня. Те влажные, чайные глаза, как янтарь, омытый водой, чистые и невинные, смотрели на него, и от этого зрелища у него на душе стало тепло. Голос сам собой стал еще мягче:

— Брат добавит тебе в кашу кусочки мяса, ладно?

Лин Янь вскинул голову, глаза его вдруг засияли, и он глупо оскалился в улыбке:

— Хорошо!

Се Янь поднял руку и взъерошил его мягкие волосы. Тепло и нежность прикосновения были такими приятными, что ему не хотелось убирать руку.

Вскоре Се Янь вернулся с кухни с чашкой дымящейся каши с мясом. Он тихо вошел в комнату и протянул чашку Лин Яню, который послушно сидел на лежанке.

Он тихо наказал:

— Я ее уже остудил. Ешь потихоньку.

Лин Янь взял чашку с кашей, непонимающе глядя на нее. Затем он зачерпнул ложкой немного каши и, слегка дрожащей рукой, поднес ее ко рту Се Яня, пролепетав:

— Брат тоже ешь.

□Динь□ Системное уведомление: Уровень озлобленности Се Яня снижен на 10. Текущий уровень озлобленности: 79.□

<http://bllate.org/book/18456/1898570>